

Шевченко Тарас Григорьевич

Гайдамаки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т19

Т19 **Тарас Григорьевич Ш.**
Гайдамаки / Шевченко Тарас Григорьевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 108 с.

ISBN 978-5-521-30854-5

ISBN 978-5-521-30854-5

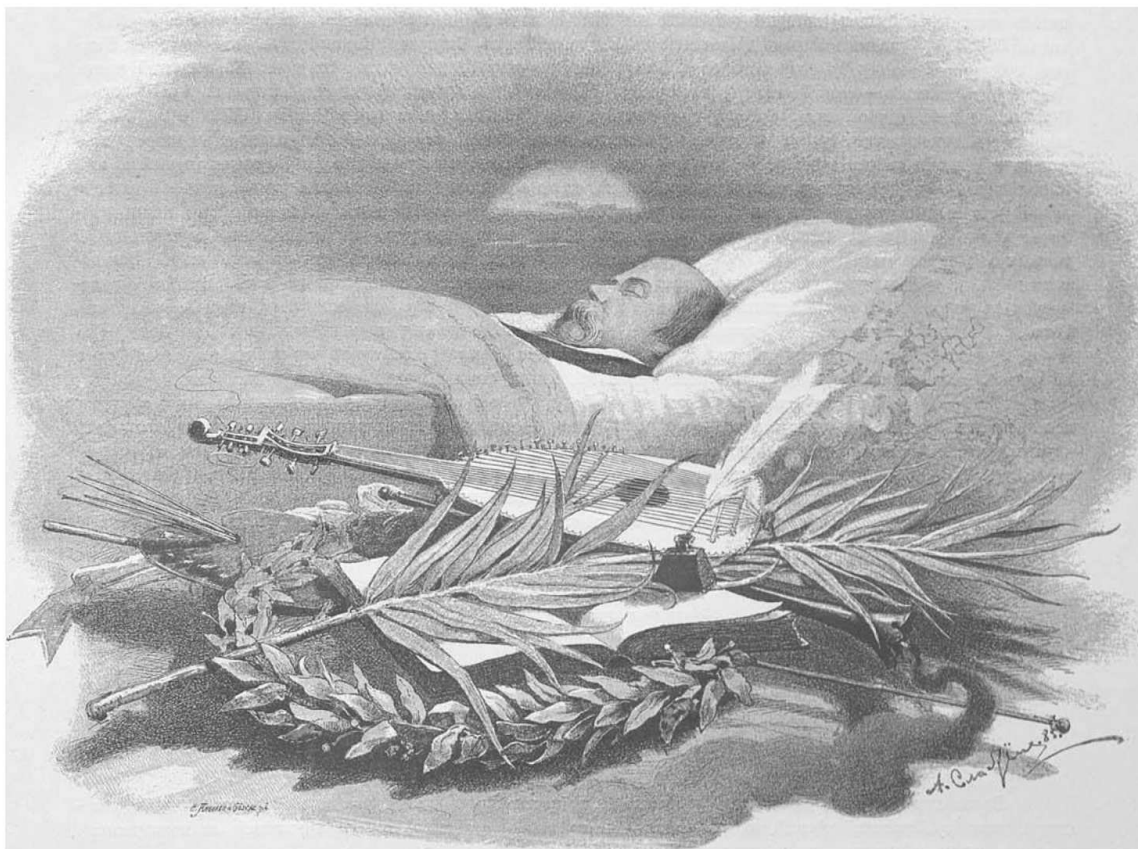
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Съ портрета работы профессора Н. П. Верецагана.

Имя Тараса Григорьевича Шевченка настолько известно въ кругу великихъ творцевъ мысли, что говорить само за себя, безъ всякихъ комментариевъ. Тарасъ Григорьевичъ былъ не только поэтомъ для Украины и Россіи, но и для всего славянскаго міра — даже для всего человѣчества. Такова уже сила истиннаго творчества. Въ какой бы исключительной формѣ ни проявлялось оно, какъ бы тѣсно оно не соединялось съ пародіею и мѣстностью, — его общечеловѣческой смыслъ не можетъ укрыться, и сдѣлается общимъ достоинствомъ. Всѣ произведенія Шевченка заключаются, сравнительно, въ небольшомъ сборникѣ, которому самъ поэтъ далъ названіе „Кобзарь“. Кто изъ образованныхъ, полуобразованныхъ или даже полуграмотныхъ людей Россіи не читалъ „Кобзаря“ или, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ о немъ? „Кобзарь“, пачиная съ 1844 года и кончая 1885-мъ, издастъ двѣнадцать разъ, въ разныхъ городахъ: С.-Петербургѣ, Львовѣ и Прагѣ; онъ переведенъ на великорусскій, польскій, чешскій, сербскій, болгарскій и пѣмекій языки. Одной изъ крупныхъ и прекрасныхъ поэмъ, вошедшихъ въ составъ „Кобзаря“, безспорно есть поэма „Гайдамаки“, написанная въ 1838 году и посвященная Василию Ивановичу Григорюшчу. „Гайдамаки“ впервые появились въ печати въ 1841 году, въ С.-Петербургѣ, отдѣльнымъ изданіемъ; потомъ они появлялись отдѣльными же изданіями въ 1861 и 1875 годахъ; кромѣ того, они входили во всѣ изданія „Кобзаря“, вмѣстѣ съ которыми и переведены на всѣ перечисленные языки. Сюжетъ „Гайдамакъ“*) взятъ поэтомъ изъ событія дѣйствительнаго, изъ эпохи, известной въ южно-русской исторіи подъ именемъ Коліивцины, Паливцины и Руины, которая завершилась въ 1768 году такъ называемою „Уманскою рѣзней“ (Rzeź Humańska).

*) „Гайдамакъ“ происходитъ отъ турецкаго слова „гайде“ — „прочь“, „помочь“ съ суффиксомъ неопредѣленного наклоненія глагола „маи“, стало быть „гайдемаи“ — „гнать“.

Это — время кровавых действий гайдамаков, истинных своих врагов, полякам, за экономический, религиозный и нравственный гнет, который допускали вельможные паны польские в отношении малорусского населения Западной Украины. Главными местами действия поэмы являются: Умань, Чигирин, Звенигородка, уездные города Киевской губернии; Лебедин, женский монастырь, между Чигирином и Звенигородком; Ольшана, Карилонна, Будище, Лысаппа, Майдановка — села Звенигородского уезда. Действующими лицами Гайдамак выведены: Ярема, иначе Галайда, наймит одного жиды, Оксана, дочь ктитора из Ольшаны, полковник Максим Желтизнак, бывший запорожец, тимшевского куреня, и сотник уманского полка Гонты, перешедший от поляков на сторону гайдамак и убивший своих детей за то, что их мать, а жена Гонты, католичка помогла иезуитам привести их в католическую вѣру; наконец, слѣпой козварь Волохъ, слѣдовавший всюду за гайдамаками въ походахъ и воодушевлявший ихъ своими чудными думами. Нельзя, разумеется, утверждать, чтобы поэма „Гайдамаки“, во всѣхъ деталяхъ, была согласна съ историческимъ разсказомъ. Самъ поэтъ говоритъ на этотъ счетъ слѣдующее: „О томъ, что дѣлалось на Украинѣ въ 1768 году, разсказываю такъ, какъ слыхалъ отъ старыхъ людей. Напечатаннаго и изслѣдованнаго ничего не читалъ, потому что, кажется, и ничего такого нѣтъ. Галайда — наполнени выдуманый, а смерть ольшанскаго ктитора правдива, ибо и теперь еще есть люди, которые знали его. Гонты и Желтизнакъ, атаманы того кроваваго дѣла, можетъ быть выведены у меня не такъ, какъ они были, — за это не ручаюсь. Дѣдъ мой, пусть здоровъ будетъ, какъ начиналъ бывало разсказывать что-нибудь такое, чего самъ не видалъ, а только слышалъ, то прежде всего замѣчалъ: „коли старые люди врутъ, то и я съ ними“.

Поэма „Гайдамаки“ представляетъ много несомнѣнныхъ достоинствъ. Не говори уже въ частности о мѣстахъ, исполненныхъ глубокаго драматизма и живости, о мѣстахъ, бывшихъ живымъ ключемъ поэзіи и поражающихъ читателя своею неподражаемою художественностію, въ общемъ поэма дышетъ святою правдою и истиннымъ безпристрастіемъ. Тамъ, тамъ, гдѣ авторъ становится на точку зрѣнія самихъ гайдамакъ онъ, конечно, изображаетъ ихъ такими, какими они были въ действительности съ ихъ страшными кровавыми расправами, но тамъ, гдѣ онъ ставитъ себя въ положеніе историка-наблюдателя, онъ болѣетъ сердцемъ и проливаетъ горячія слезы по поводу совершившихся событій:

„За що люди гинуть?
Того жъ батька, тани жъ дити,
Жити бъ та брататься,
Ня, не мязи, не хотимъ,
Треба роз'єднаться!
Треба крови, брата крови
.....“

Въ заключеніе, поэтъ превосходно изображаетъ ту неоспоримую истину, что во всей страшной драмѣ, посланной названіе „Уманской рѣзни“, все же виновны не гайдамаки, а сами поляки, не признавшіе за малорусскимъ народомъ ни человѣческихъ, ни гражданскихъ правъ:

„Болѣть сердце, якъ згадаешъ:
Старихъ славажъ дити
Вимлисъ кровью, а хто вивенъ?
Ковиди, іезуити“.

Настоящее изданіе „Гайдамакъ“ говоритъ само за себя. Можно лишь добавить, что для исторической вѣрности своихъ рисунковъ художникъ А. Г. Сластѣнъ пользовался указаніями такихъ знатоковъ Украинской старины, какъ покойный Н. И. Костомаровъ и профессоръ В. Б. Антоновичъ.

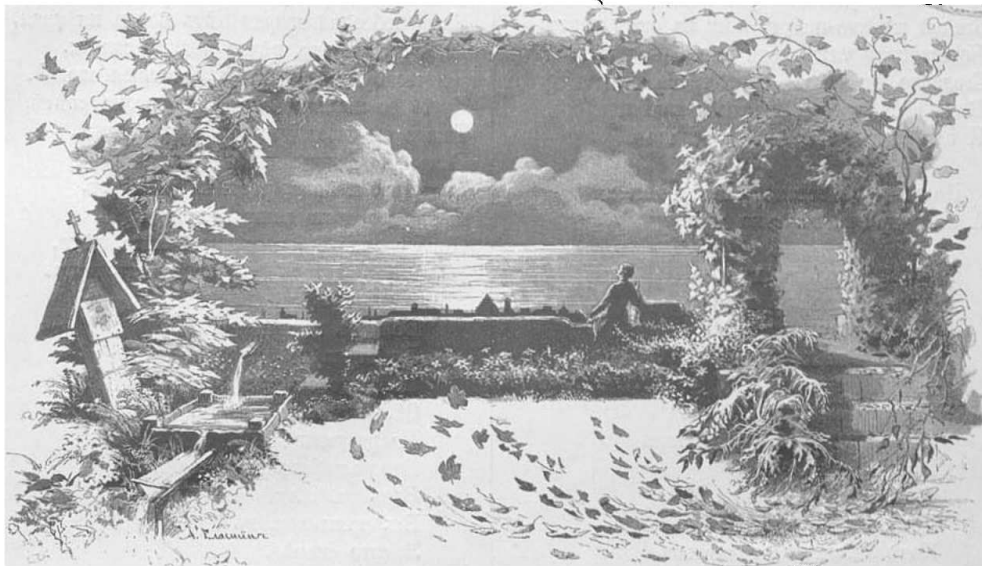
Д. И. Эварницкій.

С.-Петербургъ,
6-го декабря 1886 г.

ВАСИЛІЮ ИВАНОВИЧУ

ГРИГОРОВИЧУ.

На память 22-го Апреля 1838 года.

Все йде, все минає и краю немає...
 Куды жь воно дилось? виджила вилось?
 И дурень, и мудрый ничего не знає.
 Жыве... умирає... одно зацвило,
 А друге завьляло, на-вики завьляло...
 И листьє пожовкле вятры рознесли.
 А сонечко встане, як перше вставало.
 И зори червони, як перше плыли,
 Поплывуть, и потимь и ты, билотыный,
 По сынему небу выйдешь погулять,
 Выйдешь подивытсья зъ жолобокъ, крышницю
 И зъ море безкрає, и будешь сяты,
 Якъ надъ Вавилономъ, надъ его садами
 И надъ тымъ, що буде зъ нашими сынами.
 Ты пичный безъ краю!.. Люблю розмовлять,
 Якъ зъ братомъ, зъ сестрою, размовлять зъ тобою;
 Спивать тобі думу, що ты жь нашептавъ.
 Порай мени ще разъ, де дятсья зъ журбою?
 Я не одынокый, я не сирота:
 Есть у мене диты, та де й ихъ подиты?
 Заховать зъ собою? Грѣхъ—душа жыва;
 А може, йй легше буде на тимъ спити,
 Якъ хто прочытає ти слѣзы-слова,
 Що такъ вона щиро колмсь выливала,
 Що такъ вона нышкомъ надъ ними рыдала.
 Ня, не заховаю—бо душа жыва!
 Якъ небо блакитне—нема ёму краю,—
 Такъ души почыну и краю немає;

Безъ конца и безъ краи, какъ дымъ, исчезая
 Все на свѣтѣ и деть и проходитъ;
 А куда и откуда никто не уищастъ...
 Что живеть—умираетъ... Что цвѣтетъ—
 отцвѣтаетъ...

Лишь одно, зеленѣя, восходитъ—
 Ужъ склонилось другое, на пѣкѣ увядая,
 И вѣтры поблекшіе листьє метутъ.
 А солнце все также восходитъ, сияя,
 И зори, румянясь, по небу плывутъ...
 А потомъ ты, жѣлѣцъ, по почному своду,
 По лазури темной, выйдешь погулять,
 Выйдешь поглядѣтсья въ ключевую поду,
 И надъ синимъ моремъ будешь ты сяты,
 Какъ надъ Вавилономъ, надъ его садами
 И надъ тѣмъ, что стапешь съ нашими сынами...
 Ты одинъ лишь вѣчешь!.. Любо мнѣ мечтать
 При твоємъ сіяньи. Вызванная тобою
 Въ даль къ тебѣ стремится страстная мечта...
 Ты скажи мнѣ, жѣлѣцъ, какъ мнѣ быть съ
 тоскою?

Я не одынокый, я не сирота!..

На кого оставить насъ, родныя дѣти?
 Схоронить съ собою—грѣхъ, душа жыва.
 Можетъ быть, ей легче будетъ на томъ свѣтѣ,
 Если кто повторить здѣсь ея слова...
 Вѣдь она надъ нами въ тишинѣ рыдала,
 И слезою жгучей думы обливала!..

А де вона буде? химерні слова!
Згадай же хто-небудь ййи на сямъ свити —
Безславному тяжко сей свить покидати.
Згадайте, дивчата,— вамъ треба згадати!
Вона васъ любила, рожевіи квити.
И про вашу долю любила спивати.

Поки сонце встане, спочивайте, дити,
А л помиркую, ватажка де взяти.

Сыны мои, гайдамаки!
Свить широкий, воля —
Идти, сыны, погуляйте,
Пошукайте доли.
Сыны мои невелички,
Нерозумни дити!
Хто васъ щиро безъ матери
Привитає въ свити?
Сыны мои! орлы мои!
Летитъ въ Украину:
Хочъ и лихо застригнеться,
Такъ не на чужини.
Тамъ найдеться душа щира,
Не дасть погыбати:
А тутъ... а тутъ... тяжко, дити!
Коли пуститъ въ хату,
То зостригши насмѣются, —
Таки, батче, люде:
Все письменни, друковани,
Сонце навить гудяти.
„Не видтиля, каже, сходять,
„Та не такъ и свитити;
„Отакъ, каже, було-бъ треба“...
Що маешъ робити?
Треба слухати, може й справди
Не такъ сонце сходять,
Якъ письменни начытали...
Розумни, та й годи!
А що жъ на васъ вони скажуть?
Знаю вашу славу!
Поглузають, покепкують,
Та й кивнуть пидъ лаву.
„Нехай“, скажуть, „спочивають,
Поки батько встане,
Та розкаже по-нашому
Про свои гетьманы;
А то дурень розкаже
Мертвыми словами,
Та якогось-то Ярему
Ведо передъ нами
У постолахъ. Дурень! дурень!
Вылы, а не вчылы:
Отъ козацтва, отъ гетьманства —

Нѣтъ! не схороню ихъ — въ нихъ душа жива!
Какъ небесной тверди нѣтъ конца ни края,
Такъ безсмертна, вѣчна и душа живая.
Но что будетъ съ нею?.. Тщетныя слова!..
Пусть ее поминутъ здѣсь, на этомъ свѣтѣ,
Тяжко ей безслѣдно землю покидать!..
Вамъ ее, дѣвицы, надо вспоминать:
Васъ она любила, розы на расцвѣтѣ,
И любила долю вашу воспѣвать!
Пока солнце встанетъ, почивайте, дѣти,
Я же буду думать, гдѣ отца вамъ взять.

Сыны мои, гайдамаки,
Воля въ вашей власти!
Вы ступайте, погуляйте,
Поищите счастья!
Ой, вы, малые ребята,
Не разумны дѣти,
Кто полюбитъ, приголубитъ
Васъ на бѣломъ свѣтѣ?
Вы, орлы мои, въ Украину
Летите скорѣе,
На чужбинѣ алое горе
Злѣе и труднѣе.
Тамъ же люди не допустятъ
Даромъ гибнуть брату.
Ну а здѣсь?.. Здѣсь — тяжело, дѣти:
Если впуститъ въ хату,
То, встрѣчая, насмѣются...
Все здѣсь видать, знаютъ,
Образованные люди,
Солнце осуждаютъ:
„Не оттуда, молъ, восходитъ
И не такъ, вишь, свѣтитъ —
Не по правиламъ науки!..
Надо слушать, дѣти...
Надо слушать: можетъ вправду
Вреть и солнце часто.
Вѣдь ученые все знаютъ,
Умники — и баста!..
А про васъ они, что скажутъ?
Виджу вашу славу:
Насмѣются да и бросятъ,
Бросятъ, какъ забаву.
Молъ — „лежите тамъ подъ лавкой,
Пока батька встанетъ,
И пока у насъ, какъ должно,
Пѣть учиться станеть;
А то слышишь: онъ бормочетъ
Хамскими словами...
И какого-то Ярему
Ставить передъ нами,
Въ гризныхъ лаптяхъ!... Дурня били,
Но не вразумили:

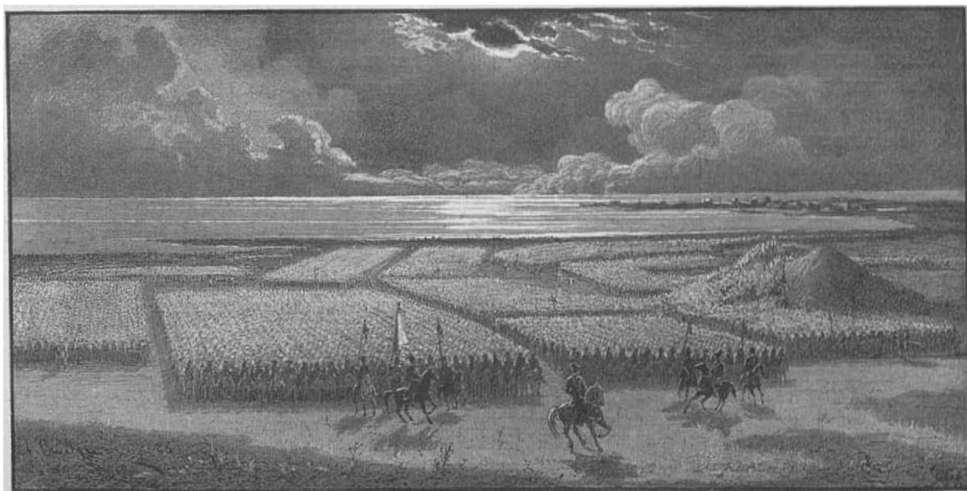

Сыны мои, гайдамаки!
Свисть широкий, поля—
Идти, сыны, погуляйте,
Получайте долю!

Сыны мои, гайдамаки!
Поля в вашей власти!
Вы ступайте, погуляйте,
Поищите счастья!

Высоки могилы,
 Бильшь ничего не осталось,
 Та й ти розривають;
 А винь хоче, щобь слухали,
 Якъ старци спивають!
 Дарма праця, пане-брате:
 Коли хочеш грошей,
 Та ще й славы, того дыва,
 Спивай про „Матрешу“,
 Про „Парашу-радость нашу“,
 Султаць, паркеть, шпоры, —
 Отъ-де слава! А то спива:
 „Грае ешиє море!“
 А самъ плаче; за тобою
 И твои грожада
 У сирикахъ!.. — Правда, мудри!

Ужъ давно его гетманы
 Всѣ въ могилѣ сгнили,
 Скоро сроятъ и курганы,
 Время ихъ разрушить,
 А онъ хочеть насъ заставить
 Пѣсни нищихъ слухать!
 Трудъ напрасный, пане ясный.
 Хочешъ ты награду,
 Денегъ, славы — для забавы
 Пѣть „Матрешу“ надо
 И „Парашу, радость нашу“,
 И паркетъ, и шпоры —
 Вотъ гдѣ слава. а онъ тинеть:
 „Плещеть сине море!“
 И самъ плачетъ, плачуть слѣдомъ
 Тьмы и нужды дѣти

Спасыби за раду!
 Теплый кожухъ, тилько, шкода,
 Не на мене пытый;
 А розумно ваше слово,
 Брехнею пидбыте.
 Выбачайте! Крычить соби —
 Я слухать не буду,
 Та й до себе не покличу:
 Вы розумни люде,
 А я дурень, одишь соби
 У мой хатыни
 Заспиваю, зарыдаю,
 Якъ мала дыгына.
 Заспиваю — море грае,
 Витерь повивае,
 Степь чорниє, и могила

Въ сѣрыхъ свиткахъ... — Табъ, учитель:
 Ласка на совѣтѣ!
 Шуба теплая, но жалко
 Не для меня сшита!
 Хоть учены ваши рѣчи,
 Да враньємъ подбиты!
 Ужъ простите: — хоть кричите,
 Слушать я не буду,
 И къ себѣ не позвоу насъ,
 Умные вы люди!
 А я глупый, не разумный,
 Въ хатѣ одинокой,
 Запою и затоскую
 О странѣ далекой.
 Запою: играетъ море,
 Вольный вѣтеръ вѣетъ;

Въ витромъ розмовляе.
 Заспиваю — розвернулася
 Высока могила;
 Ажъ до моря запорожцы
 Степь широкый крылы:
 Отамапы на вороньхъ
 Передъ бунчуками
 Выграваютъ, а пороги
 Межъ очеретами
 Ревуть, стогнуть, розсердились —
 Щось страшне спиваютъ.
 Послухаю, пожуюсь,
 У старыхъ спытаю:
 — „Чого, батькы, сумуєте?“
 — „Не весело, сыну, —
 „Дви́про на насъ розсердывел,
 „Плаче Украина“...
 И я плачу, а тымъ часомъ
 Пышнымы рядами
 Выступають отаманы,
 Сотныкы зъ панами,
 И гетьманы — вси въ золоти...
 У мою хатыну
 Прыйшли, силы коло мене,
 И про Украину
 Розмовляють, росказують:
 Якъ Сичъ будували;
 Якъ козаки на байдакахъ
 Пороги мынали;
 Якъ гулялы по сынѣмъ,
 Грылися въ Скутари.
 Та якъ, люльки закурившы
 Въ Польни на пожари,
 Въ Украину верталися;
 Якъ бенкетували:
 „Грай, кобзарю! лый, шынкарю!“
 Козаки гукалы.
 Шынкарь знае — наливає
 И не схаменеться;
 Кобзарь впикваривъ, а козаки,
 Ажъ Хортыця гнетъся,
 „Метельщи“ та „гопака“
 Гуртомъ оддырають;
 Кухоль ходыть, переходыть,
 Такъ и высыхае.
 — „Гуляй, пано, безъ жупана!
 Гуляй, витро, полемъ!
 Грай, кобзарю, лый, шынкарю,
 Поки встане доля!“
 Взявшись въ боки, навприсядки
 Парубки зъ дидами:
 „Оттакъ, диты! добре, диты!
 Будете панами!“

Вѣетъ по степи широкой,
 Гдѣ курганъ чернѣетъ.
 Запою — и развернулись
 Старыя могилы
 И до моря запорожцы
 Всю то степь покрыли.
 Всѣ верхами; атаманы
 Передъ бунчуками
 Лихо скачутъ, а пороги
 Между камышами
 Грозно стонутъ — разсердились,
 И у нихъ спрощу я:
 „Вы чего, отцы, грустите,
 „Сердитесь, тоскуй?“
 — Охъ, не весело, родимый,
 Наша грусть не тайна,
 Дитирь могучій разсердился,
 Плачетъ вся Украина!
 И я плачу. А между тѣмъ
 Пышными рядами
 Выступають атаманы
 Сотники съ панами.
 Влещутъ гетмановъ кафтаны,
 Влещутъ коней сбруи,
 Всѣ ко мнѣ пришли и сѣли,
 Про страну родную
 Говорятъ и вспоминають,
 Какъ на Сѣчь прибыли,
 Какъ казаки на байдакахъ
 Чрезъ пороги плыли,
 И какъ по морю гулялы,
 Грылися въ Скутари,
 И какъ, трубки закуривши
 Въ Польшѣ на пожарѣ,
 Возвращались въ Украину,
 Пили, пировали.
 „Веселѣ! Лей полнѣ!“
 Казаки кричали;
 Шипкарь звасть, наливаетъ,
 Такъ вино и льется,
 Кобзарь grinулъ, а казаки,
 Ажъ земля трясется,
 „Мятелипу“ и „гопака“
 Дружно оддирають.
 Чарка ходитъ, переходитъ,
 Такъ и высыхае.
 — „Гуляй, удалъ молодая,
 Гуляй, вѣтеръ, въ полѣ,
 Въ струны бейте, чарки лейте,
 Вотъ казачья доля!“
 Руки въ боки да въ присядку
 Дѣти съ стариками:
 „Такъ, ребята! славно, братцы!